

кина предпоследняя строка «хлопец, видно, промахнулся» имеет многозначительный вариант: «хлопец, знать, не промахнулся».

Характерно у Пушкина не только разрушение циклизации, но и выскребывание местного бытового элемента: убраны подзаголовки: строка «Дозора»: «И позвал казака он Наума» (пер. Фета), где Наум—бытовая приуроченность (украинское, не польское имя) передача: «Эй, ты,—кликнул,—чортов кус»; в «Трех Будрысовичах» реальная обстановка «Скиргелл, Ольгерд, Кейстут» (Гедиминовичи времен Грюневальдской битвы) заменена немотивированным подбором имен—Паз (Пац?), Ольгерд, Кейстут—воевода вместо князя Кейстута в подлиннике.

Но Пушкин хоть современник Мицкевича. Вот что такое перевод Н. Берга (эстетика 60-х гг.):

А л у ш т а н о ч ь ю .

Повеял ветерок, стихает пламя дня;
С высот на Чатырдаг спускается

лампада,
И льет по небесам, очей моих отрада,
Последние струи волшебного огня—

И гаснет. Тьма кругом. Палящий
зной сменя,

В долинах стелется вечерняя
прохлада.

Вот ветер зашептал с лозою ви-
нограда.

И музыка цветов пошла вокруг
меня.

Летит крылатый сон—и я заснул
глубоко.

Вдруг снова пробужден: как мол-
ния, высоко

Промчался метеор и небо все рассек.

О ночь восточная! Ты, гурия во-
стока,

Что негой усыпив, опять бли-
станьем ока

Разбудит и манит на ложе новых
нег (84).

А вот подстрочник:

Резвится ветер, легче дневная жара;
На склоны Чатырдага спускается

лампа светов,
Разбивается, разликает ручьи алого

И гаснет. Заблудившийся паломник
оглядывается, слушает.

Уж горы почернели, в долинах ночь
глуха,

Источники журчат, как сквозь сон,
на ложе васильков,

Воздух дышит ароматом и музыкой
цветов,

Говорит сердцу голосом тайным для
уха.

Засыпаю под крылами тишины и
темноты.

Вдруг будят меня резкие блески
метеора,

Небо, землю и горы облил золотой
поток!..

Ночь восточная! Ты, подобно вос-
точной одалиске,

Убаюкиваешь ласками, и тогда я
засыпаю,

Ты блеском дня снова будишь для
ласк.

Тут дело не в том, что Берг принял слово *bfski*—блески за *bfskawisa*—молнии, а в том, что из 14 строк только 3—перевод из Мицкевича. Остальное—эстетика на тему из Мицкевича.

Еще пример. «Турецкая баллада» «Ренегат» в подлиннике состоит из двух частей: 1-й—психолого-патетической (9 строф) и 2-й—фабульной (6 строф). В поэтику Мея (вообще переводчика неплохого) первая часть уложилась, вторая нет. Меем переведена первая часть. Она одна без оговорок о существовании второй и перепечатана (68—69).

В «Пани Твардовской» (64—68) бес по приказу купается в святой воде (строфа 25). Затем у Мицкевича (26): «Вылетал потом, как из пращи. Отряхнулся, буркнул, бодро фыркнул». Эти 2 строчки царской цензуре не понравились, и перевод Мея вышел без них. Точно также и перепечатан он (67). Итак, юмор Мицкевича для нас утрачен.

Но как же можно было поступить? Поручить кому-нибудь всочинить эти стихи в текст Мея? Это—создать двустишие, а в книге и так чересчур пестры поэтические манеры.

Нам нужен Мицкевич, с его единой манерой, «простой и грубой», а не переключение тем и поэтических материалов польского поэта в различные русские стиховые системы.

Анатоль Франс—«ПЕРЛАМУТРОВЫЙ ЛАРЕЦ». «КОЛОДЕЦ СВЯТОЙ КЛАРЫ». Полн. собр. соч., под общей ред. и с пред. А. В. Луначарского, т. IX. Пер. с франц. Б. Лившица и А. К. Виноградова. Изд. «Земля и фабрика». М.—Л. 1929 г. Стр. 341. Ц. 1 р. 65 коп. Тираж 5 000 экз.

«Земля и фабрика» предприняла издание первого полного собрания сочинений А. Франса в конце 1927 г. Творчество Франса было хорошо знакомо в России еще в довоенное время, но, главным образом, в довольно узких интеллигентских кругах. Широким читательским кругам Франс стал доступен только после Октябрьской революции, когда он, открыто встав на защиту со-

ветской России, сразу обратил на себя пристальное внимание советского читателя. Это совершенно рассеяло тот предрассудок, что творчество Франса, как утонченного эстета и блестящего стилиста, Франса—славного продолжателя классических традиций французской литературы, недоступно широким массам.

Читая рассказы, входящие в два сборника, образующие девятый том собр. соч. Франса, советский читатель лишней раз убедится, что подлинное искусство не может быть недоступным самым широким слоям трудящихся. Несмотря на то, что рассказы эти говорят о вещах нам часто чуждых, говорят о средневековых легендах, о древности, о житиях святых, та художественность, та тонкая ирония, с которыми Франс умеет расплетать нити этих незамысловатых сюжетов, делают их интересными и значительными и для советского читателя.

Издавая полное собр. соч. «Зиф» безусловно делает большое культурное дело, тем более, что выполняется оно с большой тщательностью: перевод всюду художественен и вполне отвечает духу и смыслу французского текста.

Анри Барбюс—«ПРАВДИВЫЕ ПОВЕСТИ»
Пер. с франц. С. Я. Парнок. Собр. соч.
т III. Гиз. М. 1929 г. Стр. 195. Ц. 1 р.
50 к., папка 25 к. Тираж 7 000

В предисловии к этим рассказам автор заявляет, что все изложенные в этой книге факты взяты им непосредственно из жизни. Переданы они или на основании собственного наблюдения, или по свидетельству очевидцев. Сохранены даже имена. С такой оговоркой книга приобретает особый смысл. В самом деле, если бы все изложенные в ней поступки, по бессмысленной и зверской жестокости своей превосходящие все, что может представить себе нормальное человеческое воображение, если бы они были измышлениями автора, то ему бы мог позавидовать пресловутый маркиз де-Сад. Но если знаешь, что все это только объективный пересказ того, что творится в наши дни в просвещенных западно-европейских странах, если знаешь, что эти эпопеи венгерских и румынских тюрем, французской военщины, болгарского белого террора—действительность, то от этой книги отрываешься, как от тяжелого кошмара. Забыть ее нельзя.